

1.2кз К 40-летию ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА Рыцарь театра

Александр Родионович Артем был самым старым актером Художественного театра. Кроме М. А. Самаровой, все без исключения актеры молодого театра годились ему в сыновья и дочери: ему было 52 года, когда был основан Художественный театр. Единственный из актеров Художественного театра, он знал Станиславского еще до «Общества искусства и литературы», знал его еще робким любителем, тайком от «папаша и мамаша» (так выражался Артем) поигрывающим в любительских спектаклях. Сам Артем также тайком там поигрывал. Он был учителем чистописания и рисования в 4-й московской гимназии и ему как «воспитателю отрочества» и «титularному советнику» не подобало с точки зрения начальства скоморошествовать по клубам и дачным сценам. Пожилой учитель чистописания и молодой купеческий сын из богатой семьи были в одинаковом положении. Алексеев скрывался под фамилией Станиславского, Артемьев — под фамилией Артема. Их обоих объединяла всепоглощающая страсть к театру.

Маленький, кругленький, рябой, с носом «картонкой» (таково и было его прозвище у гимназистов), Артем родился в крепостной деревне. Он служил истопником в Академии художеств, потом был натурщиком «для безобразных сюжетов», по его собственному определению: для пьяненьких чиновников, для всякой «голи перекастной» на картинах передвижников, потом поступил в московское Училище живописи, где Перов безнадежно морщился, глядя на его рисунки, но с восторгом слушал его удивительные рассказы, поражавшие острой наблюдательностью и согревшие ласковым юмором. Из Училища живописи Артемьев вышел в учителя чистописания и тянул эту горькую лямку до старости: не желая потерять пенсию, он, будучи уже известным актером МХТ, все еще преподавал чистописание, скрывая от начальства, что «г. Артем», о котором пишут в газетах с такой похвалой, это и есть он сам, учитель Артемьев.

Биография Станиславского известна. Сам Артем так комментировал ее:

— Константин Сергеевич играет роль Несчастливцева, но в жизни ему назначена роль Счастливецца. Мне наоборот: меня

природа даже ростом наградила для Счастливецца, мне даже нос не нужно наклеивать: своя собственная луковичка, а в жизни мне так и не выйти, должно быть, из роли Несчастливцева.

Но в одном отношении Артем был бесспорным редким Счастливеццем и в жизни: он был наделен необыкновенным талантом.

«Неподражаемый артист», — отзывался о нем Станиславский в своей книге. Это, пожалуй, лучшая характеристика Артема: неподражаемый и неповторимый.

Однажды, смотря на репетицию чеховской пьесы (кажется, «Трех сестер») с участием Артема, Станиславский воскликнул: «Вот так, должно быть, играл Мартынов». Чехов дарил исключительной любовью этого актера; достаточно сказать, что Чебутыкин в «Трех сестрах» и Фирс в «Вишневом саде» не только написаны для Артема, но и в самом существе своем заключают что-то «артемовское». После Артема в том же Художественном театре много прекрасных актеров играло эти роли, но ни одному из них не удалось заменить Артема; им не хватало того «артемовского», что Чехов придал этим образам.

В чем состояло это «артемовское» — сказать и легко, и трудно. Легко сказать, что «смех сквозь слезы» был даром этого актера; легко сказать, что Артем мог быть нейшим лириком в комическом, что он владел труднейшим искусством являть в образе трагикомическое; но нелегко, даже невозможно передать все своеобразие этих странных сочетаний слез со смехом, трагического переживания с комическим его выражением. Так он играл Верфлю, Чебутыкина, Фирса. Так он играл Перчихина в «Мещанах» Горького — только там, в этом старике-птицепове и над слезами и над смехом сияла живая, ликующая радость бытия. Недаром Чехов, узнав Артема по своим пьесам, настоятельно требовал от Горького: «Перчихин — как живой... Только, храни вас бог, не позволяйте играть Перчихина никому, кроме Артема».

На самого Горького исполнение Артемом роли Перчихина произвело впечатление неотразимое. Артем рассказывал мне: Горький крепко пожал ему руку за Перчихина и, расцеловав, сказал ему благодарно что-то



А. Р. Артем в роли Телегина в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня»

вроде: «Какой расчудесный старикан. Как вы прекрасно его играете!» — Артем сконфузился: «Разве я играю? Во мне играет».

Это замечательно сказано: он, действительно, никогда и ничего не играл (за это любили его Станиславский и Чехов): в нем играло что-то глубоко жизненное, до конца правдивое. «В нем играло», а мы горько плакали над его тоскующим одиноким стариком Чебутыкиным (3-й акт «Трех сестер») или радовались волжскому простору и птичьему пению вместе с его Перчихиным.

Однажды, это было в 1909 году, я зашел навестить Артема на его бедную квартирку на Диковке, на одной из самых шумных и грязных улиц старой Москвы. Артем лежал на диване, укрытый одеялом, но был весел.

— Сам приезжал.

Это значило: Станиславский.

— Зовет в театр. Выздоровливайте, говорит, дедушка, без вас скучно: не с кем разговаривать в чеховских пьесах.

Для Станиславского сценическое общение с Артемом в «Дяде Ване» и «Вишневом саде» было так радостно привычно, так жизненно необходимо, что перерыв ощущался им, как личный ущерб.

Станиславский ценил в Артеме исключительного художника той богатой внутренней правды, в которой он видел истинное достоинство сценического исполнения.

Но во имя этой же правды старый актер Артем иногда восставал против Станиславского.

Это было в те годы, когда Станиславский, очень ненадолго, увлекся условным театром. Обо всех условных постановках Стани-

славского (метерлинковский спектакль в 1904 году, «Драма жизни» Гамсуна в 1907 году, «Жизнь человека» Андреева в 1907 году, «Синяя птица» Метерлинка в 1908 году) Артем, реалист до мозга костей, ученик Перова, с сокрушением говаривал:

— Нашла на нас декадентская напзсть!

Станиславский дал ему, своему любимому актеру, роли и в «Драме жизни», и в «Жизни человека», но Артем, играя их, разрушал своим реализмом, своей неподкупной и неподатливой внутренней правдой холодную условность этих замечательных самих по себе работ великого режиссера.

В «Драме жизни» Станиславский занял в эпизодических ролях рабочих-рудокопов двух первоклассных актеров — Л. М. Леонидова и А. Р. Артема.

Здесь Станиславского постигла знаменательная неудача. Воображению режиссера, вероятно, представлялись две фигуры каких-то гномов, кобольдов, черных хозяев земных недр: одного — могучего и зловещего, вроде Альбериха в «Золоте Рейна»; другого — корявого старика, карлика наподобие Миме из той же музыкальной драмы Вагнера. На деле получилось совсем не то. У Леонидова Альберих превратился в мускулистого рабочего с тяжелым молотом за спиной: могучей, но еще спящей силой веяло от него; вот, вот он проснется и ударит своим молотом, куя новую жизнь себе и братьям. У Артема это был не алчный карлик Миме, а какой-то добрый горный дед, любящий земные недра, как Перчихин — приволжские луга. Казалось, этому мудрому и простому старичку ведом простой и вечный голос матери-земли, любящей тех, кто ее любит.

Оба, и Артем и Леонидов, разрушили символический замысел Станиславского.

То же случилось с Артемом в «Жизни человека». Там он должен был изображать одного из соседей Человека, пришедших поздравить его с вступлением в брак. Предполагалось, что это будет символическая фигура некоего «вечного обывателя», от которого веет «бессмертной пошлостью людской», а вышло наоборот: «вечный обыватель» превратился у Артема в славного старика, улыбающегося, глядя на молодое счастье. Старик-актер резко вышел из черного холода андреевской мистерии-аллегии, блестяще поставленной Станиславским.

Артем горько сетовал на горячо любимого им Станиславского:

— Что делает Константин Сергеевич? Что бы сказал Антон Павлович, если б до этого дожил!..

— До чего «до этого», Александр Родионович?

— А вот до чего: люди у него теперь оказались без ширины.

— Как «без ширины»?

— Так: играть мы должны в двух измерениях: вышина и длина, а ширины нету.

Старик кипел от негодования:

— Да ведь это у теней ширины нет, а мы — люди, не тени. Тогда нужно открывать театр теней, а Художественный закрыть. Что бы теперь сказал Антон Павлович!

Чехов был высший, судья художественной правды в глазах Артема, и старик был уверен, что этот судья стал бы на его сторону.

Однажды — это было в 1907 году — я застал Артема веселым. Ну, думаю: старик получил новую роль.

Оказалось, я жестоко ошибся: старик радовался тому, что не получил роли. Перед раздачей ролей в «Синей птице» он пришел к Станиславскому и сказал чистосердечно:

— Пожалейте меня, старика, не давайте мне никакой роли. Кого хотите буду играть, но зверей и вещи — не могу; не умею играть предметов: ни сахара не сыграю, ни чая, ни стола, ни стула. И, дай-ему бог здоровья, не дал роли!

Когда театр обратился к Островскому, Тургеневу, Льву Толстому, Артем воспрянул духом. Он создал настоящие шедевры из двух крохотных ролей — лакея Григория в «На всякого мудреца довольно простоты» и судебного курьера в «Живом трупе». Он радовался и соприкасался:

— А до чего дело дошло! У нас, в Художественном театре, есть молодые актеры, которые ни разу людей не играли.

— Как людей не играли? Кого же они играли?

— Выходцев с того света да разные небывалые фигуры.

Я усомнился в словах моего старого учителя.

— Не верите? А вот вам Н. А. Знаменский. Какой талант! А что он играл? Я вам скажу, что. Играл «Справедливость» в «Драме жизни», играл «Время» в «Синей птице», был «Неким в сером» в «Жизни человека», был «Неким, охраняющим входы» в «Анатэме», теперь играет «Тень отца Гамлета». Человек ни разу не сыграл человека, обыкновенного, смертного человека! Ну, статочное ли это дело?

Старик покачал головой и энергично закончил:

— Да я всех этих «неких» променяю на одного лакея Яшку из «Вишневого сада»!

Я улыбнулся про себя, вспомнив такой же праведный гнев другого защитника реалистического искусства: вспомнил Щепкина, протестовавшего против переделки Гога-голем городничего и Хлестакова в аллегорические фигуры.

И Станиславский ценил эту ревность в старом актере, помнившем самые ранние выступления его на сцене. Он исполнил запретную мечту Артема и дал ему сыграть его последнюю роль — щепкинскую роль — Кузовкина в «Нахлебнике» Тургенева.

Но была у Артема и еще одна мечта, которая не сбылась: это мечта сыграть со Станиславским «Дон-Кихота».

— Вы будете Дон-Кихот, а я Санчо-Пансо, — говаривал он Станиславскому.

И когда тот, улыбаясь, качал головой, Артем горячо уверял его:

— Да кто же на свете лучше вас сыграет «рыцаря без страха и упрека»? А я буду вашим верным слугой.

Артем хотел со сцены перед всеми рассказать о том, чему он верил всей душой в жизни, — о своем горячем убеждении, что Станиславский — рыцарь без страха и упрека, всего себя отдавший на служение «прекрасной даме» — театру. А Станиславский в свой черед считал таким рыцарем театра Артема — актера из крепостных, потрясавшего Чехова и Горького своим искусством прекрасной правды.

С. ДУРЫЛИН